

Сергей Троицкий

ТРИКСТЕР: У ИСТОКОВ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

...герой-шут существовал с тех самых пор, как человек впервые осознал себя общественным существом. Смех и юмор указывают на то, что он человек, а не животное.

Пол Радин

Фигура трикстера стала предметом активного изучения в последние полвека, но за это время ставшее распространенным благодаря П. Радину понятие так и не было четко определено, а употребление его чаще всего интуитивно. Все, что мы знаем о трикстере, – это информация, адаптированная сообществом-носителем мифа для восприятия антропологов и этнографов, это версия, отличная от тех, которые рассказывались для «своих». Можно сказать, что мы изучаем трикстера по словарю, а обряды по популяризированной адаптации для непосвященных. Несмотря на большую литературу¹, посвященную этому культурному (анти)герою, работы носят описательный характер.

Понятие «смеховая культура» после М. М. Бахтина стало распространенным в разных науках. О «смеховой», «карнавальной»² культуре как противоположности официальной написано тоже достаточно много. Благодаря дискуссиям, посвященным этой стороне человеческой деятельности, были описаны другие не менее важные явления в ней, напрямую связанные с возникновением и содержанием смехового поля («антимир», «антиповедение» и др.). Архаические корни смеховой культуры не вызывают сомнения, как и факт принадлежности к ней трикстера, но связь этих двух явления описана недостаточно. Поэтому целью данной работы мы видим показать генеалогию фигуры трикстера, его связь с антимиром и карнавальной культурой.

Обозначение «антимир» достаточно условно и уже предполагает наличие мира, противоположностью и отрицанием которого является обозначаемое. Архаический мир оказывается разделен на две части – нормативную, реальную, современную (мир-сейчас) и потустороннюю, ненормальную, ирреальную (мир-до-и-после, мир-вне). Хтоническая, потусторонняя сущность антимира заставляет людей сторониться его, хотя смерть, напрямую связанная со смехом как ритуальным ее сопровождением, в архаике и не воспринимается как нечто «плохое», скорее, наоборот, она существует на равных правах с жизнью, только в другом мире. Сосуществуя одновременно по ту и по сю сторону реальности, два мира иногда менялись местами: так, во время архаического праздника хтоническое пространство антимира занимало место земной

реальности. Выстраиваясь заново, космос природный и социальный нуждался в ритуальном воспроизведении процесса разрушения и сотворения, именно в этот период антимир проявлял себя. Учитывая, что антимир являлся противоположностью или своеобразным отражением нормативного мира, можно говорить и об отражательной природе воплощающей антимир фигуре трикстера. Он являлся персонализацией антимира, хтонического пространства культуры. Это уже позже, в поздней архаике, происходит этизация культуры и связанное с ней появление фигуры противника бога-отца, которая выразилась во многих культурах, воплотившихся в религиозных формах: в христианстве – это дьявол, сатана, черт. Эта сравнительно поздняя персонификация «зла», несмотря на все старания христианства, отнюдь не вытеснила трикстера, а лишь потеснила его, захватив некоторые его функции.

По всей видимости, происхождение трикстера можно усматривать в представлениях о тотеме-праотце. Естественно, и сейчас условно разделяемые для удобства исследователя, два мира культуры не были разграничены полностью, они были, несмотря на свою яркую выраженность, все-таки единым полем культуры, а антимир был всего лишь дополнением к пространству реальности, выстраивая свою негативность на основании позитивности культуры.

Смеховое поле воплощалось в мифе о трикстере, хитреце, Вороне, койоте, кролике, пауке и др. в зависимости от культуры-носителя мифа. Миф о трикстере рассказывался (пелся), скорее всего, лишь один раз в год в главный праздник, хотя, вполне возможно, это происходило и чаще, в дни «перелома» в сельскохозяйственном цикле. Воспроизведение ми-фа(ов) являлось залогом воспроизведения Космоса, это тем более было важно, если иметь в виду, что это миф о праотце рода. Учитывая тот факт, что все циклы мифов – это инвариации одного самого древнего, вернее говоря, цикл мифов – это само представление о мире мифотворческого сознания, где слиты воедино объект и субъект, необходимо заметить, что мифы в целом имеют одну форму, одну фабулу. Здесь всегда присутствует, как минимум, двоичность всего, различаемая только более поздними типа-ми сознания. По нашему мнению, трикстер – это разновидность тотема, которая потом выделилась в двойника отца рода, когда субъект и объект в сознании стали разделяться. Первоначально тотем не имеет четких характеристик, это собрание энергий, попеременно «добрых» и «злых», где субъект и объект неразличимы. Соответственно трикстер при своем появлении еще не является собственно трикстером, а самые древние мифы о нем – это еще мифы об праотце, о тотеме. Несмотря на то, что изначально в архаике эти два образа не разведены и представляют собой образ тотема, со временем трикстер становится неким антигероем, отрицательным фоном для выявления более четкого очертания положительности культурного

Героя, поэтому трикстер, как правило, имеет менее четкие характеристики, нежели культурный Герой. Трикстер символизирует отдельную от существования духа, жизнь тела, а основные его характеристики – это отрицательные стороны Героя (социума), его обратная сторона. Основные преимущества трикстера – это гипертрофированные человеческие слабости. Он склонен к хитрости и глупости, но стоит учитывать, что трикстер еще недостаточно этизирован, он еще не приобрел четких границ. «Мы хотели бы называть трикстером не любого *плута-озорника*, а такого, в чьем образе противоречив набор основных свойств – сильный и слабый, свой и чужой. Трикстер то выигрывает, то проигрывает в результате своих проделок, творит добро, то зло» [1, с. 98]. Это – герой, который не знает границ. Границ пола (пол зачастую неопределен), тела (уродство), дозволенного, мира. «Его природа, враждебная любым границам, открыта всему» [2, с. 261]. Границы – речь в частности о границах дозволенного – создаются сообществом, они фиксируются непрерывным континуумом сознания. Только тот, кто входит в данное сообщество, т. е. принадлежит к данному непрерывному континууму, только тот обладает понятием о границах, обладает границами. Трикстер изначально асоциален, не имеет границ, а, значит, поступает иначе, чем все остальные члены сообщества. Иногда его поступки совпадают с понятием сообщества о дозволенном, иногда – нет, но важно, что эти поступки не ограничены нормативным полем. Он может поступать и «хорошо» и «плохо». Нравственно трикстер не зафиксирован в какой-то точке. Единственно, что можно сказать достоверно, это, что во всех культурах он гораздо лучше относится к людям, нежели к богам. Может быть, помимо других причин, еще и поэтому, несмотря на все проделки трикстера, слушатели мифа всегда симпатизируют ему, а рассказчики делают его Героем мифа.

О том, что трикстер берет свое начало именно из фигуры праотца-тотема и собственное становление в качестве противоположности праотцу еще не завершил (не став еще, например, дьяволом и т. п.), говорит и тот факт, что в некоторых культурах он наделен функциями творца. Например, Элегба (трикстер йоруба) – божество фаллическое, сложно сказать, это трикстер или праотец, поскольку имеет характерные черты и того и другого. Можно вспомнить и связанные с трикстером ругательства, являющиеся словесной имитацией полового акта (это зафиксировано в языке словом «словоблудие») и создающие ситуацию словесного порождения жизни. А употребление ругательства в погребальном обряде создавало ситуацию зарождения умершего для иного мира. В культурах, где функции трикстера и культурного Героя исполняет одна мифическая фигура, единство противоположностей предполагает, в том числе и возможность порождения жизни, порождения мира.

В связи с неоднозначностью фигуры трикстера, с незавершенностью

процесса отделения его от фигуры первопредка (праотца), практически во всех культурах возникает мотив близнецов, или мотив двойника тотема. Например, в Древнем Риме можно заметить таких двойников – это гении, они передавали множественность тотема. Изначально гений слит с отцом рода. Позднее они приобрели роль двойников людей, вещей, богов. Несмотря на то, что римляне переводили греческое слово, обозначающее героя, как лары, все-таки они сливаются с гением и с душами умерших, поскольку «представляют собой аспект «близнеца», «двойника» [8, с. 50].

В большинстве культур фигура трикстера наделена свойствами прародителя людей. Кроме того, о неокончателном выделении трикстера говорят следующие примеры: Анансе (африканский паук-трикстер) является одновременно и трикстером и культурным героем, одной из ипостасей бога неба. Или Силеве Нацарата (западноиндонезийский трикстер неопределенного пола) одновременно и помогает людям и богам и приносит им вред, неся в себе и позитивную и негативную стороны. В некоторых культурных традициях трикстер является братом-близнецом культурного Героя. Трикстер всегда сопровождает культурного Героя, обладая отдельным существованием, но сопутствуя ему как тень. Именно с этим связана, по нашему мнению, традиция держать при монархах придворных шутов, «наследников» трикстера, которые как тень, как двойник, обеспечивали легитимность называния монарха представителем Бога на земле.

«Такая коллективная персонификация, как Трикстер, есть продукт множества индивидов и принимается каждым из них как нечто уже знакомое – чего не было бы, если бы Трикстер был продуктом лишь индивидуального сознания» [10, с. 273]. Поскольку трикстер – это изначально двойник тотема, постольку он является двойником каждого члена сообщества. Трикстер – это Другой-в-тебе, Alter Ego, область вытесненного. Человеку необходимо видеть свои поступки с точки зрения другого, видеть себя, вписанным в мир, чтобы поступать и быть действительно в мир вписанным. Он должен видеть отражение мира с позиции другого, именно это позволило Ж. Лакану сказать, что «для себя самого он – другой. Именно это и создает у вас иллюзию, будто сознание прозрачно для себя самого. В нем, в этом отражении, нас нет, а находимся мы в сознании другого, чтобы оттуда это отражение наблюдать» [5, с. 163]. По верованиям многих народов в «структуру» личности входит «двойник», «которому все действия и приписываются» [4, с. 173]. Например, согласно верованиям йоруба (Нигерия) он называется «оджиджи», у народа само (Верхняя Вольта) – «мэрэ», у бамбара (Мали) – «дья» [3, с. 117] и т. д. Это позволяет дистанцироваться от себя, увидеть себя со стороны, оценить себя, смеяться над собой, увидев в себе трикстера. Трикстер – это тень (К. Г. Юнг). «Мы уже забыли о том, что в карнавальных и подобных традициях существовал коллективный образ тени, который доказывает, что персональная тень

отчасти произошла именно от священного коллективного образа. Этот коллективный образ постепенно исчезает под влиянием цивилизации, оставляя не так легко распознаваемые следы в фольклоре. Однако главная его часть персонализируется и становится объектом личной ответственности» [10, с. 274]. Но нельзя утверждать однозначность тени, как противоположности положительного, – все гораздо сложнее. Эта тень, ее осколки – и Бог, и дьявол одновременно, т. е. то, чем сам человек, сам субъект себя не считает, это то, что вытесняется, поэтому, когда Пол Радин и Кереньи то богом, то дьяволом называют трикстера, они правы и в том и в другом случае. Бог и дьявол, духи злые и добрые – пограничные состояния, вернее, поля за границами. Возникает еще одна пара, казалось бы, противоположностей: трикстер принадлежит и миру живых и миру мертвых. Такая амбивалентность вполне допустима, если предположить, что дело в том, что трикстер является фигурой переходной между миром живых и преисподней, принадлежа и тому и другому одновременно. Во многих культурах трикстер наделен функциями шамана, переходного звена между миром живых и миром мертвых. Поэтому называть его антигероем не совсем правильно. Антигероизм – это всего лишь одно из проявлений трикстера, но также он является нам и как культурный герой. Переходность фигуры трикстера подтверждается всей культурной традицией. В скандинавской мифологии Локи (трикстер) «как бы способствует циркуляции ценностей между различными мирами» [6, с. 321]. Трикстериана = шаманизм. Вспомним хотя бы классического трикстера, описанного П. Радиным, – Ворона, он осуществляет функции шамана.

Большое количество из доступных нам сведений о Трикстере у разных народов связывает его со стихиями смерти-рождения мира – с водой, с огнем. Огонь встречается чаще всего (вспомним роль кузнеца в традиционных культурах), даже в более поздних мифах Древней Греции трикстер (Гефест) – кузнец с искаженной телесностью. «В разных культурах функции шута могли отличаться, но практически неизменным оставалось его уродство» [9, с. 95–96]. Вспомним видушаку, санскритского трикстера. Трикстер изначально – отец рода, слитый с самим тотемом, и поскольку отец рода одновременно и принимает и приносит жертву, и сам является жертвой, возможно, отсюда происходят мифы, где трикстер раздает свои органы. Суть этих действий, вероятно, сводится к приобщению к тотему. Возможно, именно от потери своих органов исходит представление об увечности трикстера, но, скорее всего, уродство его в основе своей содержит его причастность к хтоническому, маргинальному в социальном плане пространству культуры. Любое уродство воспринималось как признак хтонического, что служило поводом для поздней архаики, уже достаточно этизированной, подбирать по этому признаку «козлов отпущения», например, в Древней Греции ими становились «рабы, фармаки, уроды, а

впоследствии бедняки и преступники» [8, с. 128], маргиналы, другими словами, считавшиеся социумом воплощением трикстера в реальности. С этим же связано и то, что в средневековье часто шутами становились люди, имеющие в телесности отклонения от «нормы».

Вполне возможно, что сжигание чучел, кукол (например, Масленицы) связано было именно с обращением к хтоническому двойнику, трикстеру. Куклы, которые плелись на праздник и сжигались в праздник, на наш взгляд олицетворяли именно его. Например, в Океании, которая все еще близка к традиционной мифологии, распространено плетение из шнуров фигурок, изображающих подвиги Мауи (трикстера Океании).

Многие исследователи, предполагая четкое противопоставление в архаике героя и «антигероя», мира и «антимира», относят трикстера к шутам или клоунам, хоть и божественным, но все же шутам (клоунам). Однако налицо описание некоего медиатора между двумя мирами (шаман-олицетворение или воплощение трикстера). «В культуре индейцев Паэбло известен клоун *косса*. На церемонии Теуа этот придворный шут и посредник между миром людей и миром духов обеспечивал защиту от врагов племени. Надевая священную маску, *косса* выполняет обязанности, связанные с безопасностью племени, и, в то же время, развлекает его, исполняя пантомиму и устраивая грубые игры. Его способность усилить плодородие позволяет ему проделывать непристойные штуки» [11, с. 51]. Ритуальный смех неразрывно связан с обычаями, направленными на усиление плодородия. Интересно соотношение похороны-ради-плодородия (вспомним похороны Костромы, Масленицы, Германа, Ярилы, сжигание или потопление Купалы), которые всегда сопровождались ритуальным смехом (наравне с оплакиванием). В славянской мифологии сложно указать точно Трикстера, поскольку достаточно молодая славянская культура, по-видимому, не успевшая сформироваться, подверглась прессингу христианства, приложившего максимум усилий для стирания особенностей дохристианской культуры. Однако, судя по ритуалам сжигания чучела, представления о двойнике все же существовали. В результате мы можем лишь предполагать, восстанавливая по крупницам элементы славянской культуры дохристианского периода. И все равно это будут всего лишь предположения.

Большинство из известных нам обрядов, направленных на усиление плодородия, у славян относятся к весне и лету. Многие характеристики героев этих обрядов совпадают, из-за чего можно предположить, что «прародитель» этих персонажей, «прагерой» этих обрядов один. Рискну предположить, что им являлся Ярило³, которому присущи многие черты трикстера. На образе двойника «души» и человека и растения «заложена вся будущая так называемая майская обрядность. «Май», означающий зелень, сожигается, топится, вешается; он представлен в виде дерева,

соломенного чучела, куклы и в русском, например, фольклоре слит с обрядностью Ярилы (ярое, яркое солнце) или Костромь» [8, с. 47]. Стираются границы, вплоть до границ пола: «Его изображала женщина, наряженная красивым босоногим мужчиной в белой рубахе» [6, с. 651]. Интересна ситуация с персонажами, наделенными явно женской символикой, скорее всего, это наделение произошло значительно позже, изначально же эти персонажи, вернее, один персонаж, имел как женские, так и мужские половые признаки, этот персонаж – бог, изначально его половые признаки неразличимы, вернее, он обладает обоими половыми признаками. Судя по всему, именно период празднования, посвященного Яриле (как и любой праздник плодородия), характеризовался снятием табу. Можно выделить целый праздничный период, в который включается и ночь на Ивана Купала. Выделяются два Ярилы (молодой – отмечается за неделю до Ивана Купала и старый – отмечается через неделю после Ивана Купала). «Для ритуалов, связанных с Ярилой, правдоподобно реконструируется карнавальная нейтрализация противопоставлений жизнь (рождение) – смерть, молодость – старость, иногда и мужской – женский» [6, с. 651]. Подобное отсутствие границ отсылает к фигуре трикстера.

Связано с мотивом двойника в культуре явление «переворачивания». «В ходе этих обрядов люди меняли повседневные роли; подобные ритуалы являлись своего рода переходом из социальной рутины к новому социальному беспорядку» [11, с. 51]. Обряды «переворачивания» известны с древних времен, присутствуют во многих традиционных культурах. Например, «во время торжеств, которыми в древнем Вавилоне отмечали Новый год, царя публично лишали всех знаков царского достоинства, верховный жрец Мардука давал ему пощечину и таскал за уши. После надлежащих слов и жестов царю возвращали его атрибуты, и он занимал прежнее место» [5, с. 79]. Ритуалы «переворачивания» структуры существовали и в Римской империи (Сатурналии) и даже в европейской культуре христианского периода. «Переворачивание» как бы очищало некое поле для выстраивания структуры заново, отправляло Космос в мир предков, чтобы выстроить новый. Создавалось некое смеховое поле, которое воспроизводилось из праздника в праздник на время построения новой структуры, нового Космоса.

Подводя итог, можно говорить о том, что изначально трикстер является переходным звеном между миром мертвых и миром живых, принадлежа как к тому, так и к другому. Со временем фигура трикстера становится более однообразной, продолжая существовать в измененном состоянии. Разные стороны трикстера сохраняют свое существование, но в персонализированной форме. Трикстер не то, чтобы распадается на характерные черты, он скорее приобретает «наследников», это самые разные шуты, скоморохи, мимы и др., которые берут какие-то из его качеств. Главное отличие их от

самого трикстера в том, что трикстер существует в ситуации неотрефлексированной «нормативности», когда его поступки не носят ни положительной, ни отрицательной нормативной нагруженности. «Наследники» же трикстера существуют в абсолютно иной формально-ролевой ситуации, когда переход от одной социальной роли к другой гораздо более возможен, и их «наследование» трикстеру абсолютно осознанно и добровольно. Сама фигура Трикстера является архетипичной, поэтому «наследников» Трикстера мы находим практически во всех известных культурах.

Примечания

¹ См., работы К. К. Кереньи, К. Г. Юнга, Е. М. Мелетинского, В. В. Иванова, А. Г. Козинцева и др.

² Выражения «смеховая культура», «карнавальная культура», «смеховое поле культуры» используются нами в данной работе в качестве синонимов, поскольку различия в их определениях для целей работы не столь существенны, мы можем пренебречь ими.

³ Солнце вообще играет очень большую роль в земледельческой мифологии, наряду с землей.

1. Березкин Ю. Е. Трикстер как серия эпизодов // Труды факультета этнологии.– СПб.: ИДПО «Европейский университет в Санкт-Петербурге», 2003.– С. 97–164.
2. Кереньи К. К. Трикстер и древнегреческая мифология // Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев / с комментариями Юнга и Кереньи. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 242–264.
3. Кон И. С. Ребенок и общество.– М.: Наука, 1988.– 269 с.
4. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55).– М.: Гнозис, «Логос», 1999.– 520 с.
5. Мильдон В. Введение в философию балагана // Балаган. Ч. 1 / под ред. О. Купцовой.– М., 2002.– С. 75–82.
6. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. И. Мелетинский.– М.: Большая Рос. энциклопедия, 1992.– 736 с.
7. Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев / с комментариями Юнга и Кереньи.– СПб.: Евразия, 1999.– 288 с.
8. Фрейденберг О. М. Введение в теорию античного фольклора // Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. и доп.– М.: Восточная литература, РАН, 1998.– С. 7–222.
9. Ходжаш С. И. Скарабен с изображениями бога Беса // Мировая культура: Традиции и современность.– М.: Наука, 1991.– С. 91–99.
10. Юнг К. Г. О психологии Трикстера // Радин П. Трикстер: Исследование мифов североамериканских индейцев / с комментариями Юнга и Кереньи.– СПб.: Евразия, 1999.– С. 265–286.
11. Юрковский Х. Культурный контекст комических фигур кукольного театра // КУКАРТ.– № 8.– М., СПб.: Изд-во Александра Васина, 2003.– С. 49–51.